

УДК 34:94 (571.5)

Иркутские областные юридические курсы. Из истории профессиональной юридической подготовки в Восточной Сибири в 20-х годах XX века

А.А. Кузнецов

Восточно-Сибирский институт МВД России, ул. Лермонтова 110, Иркутск, Россия
alalkuz@mail.ru

Статья поступила 18.07.2019, принята 6.08.2019

В статье рассматриваются вопросы становления профессионального юридического образования в Восточной Сибири, особенности и трудности подготовки кадров среднего звена для работы в судах и прокуратуре Сибири в 20-х гг. XX в. Анализируются проблемы и специфика подготовки юридических кадров на Иркутских областных юридических курсах. Делается вывод о том, что в силу ряда трудностей курсы в Иркутске не могли обеспечить высокий уровень квалификации юристов, однако стали важным этапом в истории подготовки юридических кадров для Сибири.

Ключевые слова: советский суд; прокуратура; история судебной системы; профессиональное образование; история профессионального образования; Сибирь; Восточная Сибирь; Иркутск; 1920-е годы; революция; преступность; Иркутские областные юридические курсы; среднее профессиональное образование.

Irkutsk regional legal courses. From history of vocational legal training in Eastern Siberia in the 1920s

A.A. Kuznetsov

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 110, Lermontov St., Irkutsk, Russia

alalkuz@mail.ru

Received 18.07.2019, accepted 6.08.2019

In article questions of formation of professional legal education in Eastern Siberia, feature and difficulty of training of an average link for work in courts and prosecutors of Siberia in the 1920s are considered. The problems and specifics of the training of legal staff at the Irkutsk regional legal courses are analyzed. It is concluded that, due to a number of difficulties, the courses in Irkutsk did not fully allow the quality training of legal workers, but they became an important stage in the history of the training of legal staff for Siberia.

Keywords: Soviet Court; prosecutor's office; history of judicial system; professional education; history of professional education; Siberia; Eastern Siberia; Irkutsk; the 1920s; revolution; crime; Irkutsk regional legal courses; secondary professional education.

После Октябрьской революции и Гражданской войны правоохранительная система страны находилась в кризисном состоянии. В ходе революции была уничтожена прежняя, царская, правоохранительная и судебная система, однако создать на ее месте новую систему, основанную на революционном правосознании и сугубо классовом подходе, не удалось. Это стало

особенно понятно после возвращения страны к мирной жизни и перехода от политики «военного коммунизма» к нэпу, когда в правоохранительных органах ощущалась острая нехватка квалифицированных кадров. Возникла ситуация дефицита не просто квалифицированных профессиональных кадров, а хотя бы грамотных работников милиции, прокуратуры и судебной системы, где большинство

сотрудников были малограмотны или вовсе неграмотны.

Так, например, в Восточной Сибири, согласно отчету административного отдела иркутского губернского исполкома от 1925 г., направленно-му в народный комиссариат внутренних дел, 87,4 % сотрудников милиции Иркутской губернии на тот момент были малограмотными [1, с. 71]. Немногим лучше обстояли дела в области судебной работы. Даже спустя три года, в конце 1928 г., число судебных работников с низшим образованием в целом по Российской Федерации составляло: среди членов областных (краевых) судов — 74,8; в составе народных судей — 72,9 %. Юридическое образование имели соответственно 10 и 23,1 %, высшее юридическое образование — 5,1 и 5,9 % [2, с. 8], т. е. более двух третей работников судов имели низшее образование.

Такая ситуация была обусловлена не только общим плачевным состоянием страны после социальных потрясений, но и политикой государства в 1920-х гг. по отношению к юристам и юридическому образованию вообще. В условиях проведения новой экономической политики, призванной восстановить народное хозяйство страны, продолжались репрессии в отношении ученых-юристов с дореволюционным прошлым. В проведении кадровой политики власть придерживалась классового подхода, среди советских правоведов были популярны идея подхода к праву как пережитку царских времен и концепция «отмирания права».

Однако в новых реалиях плачевная ситуация в области юридического образования мешала социалистическому строительству, делопроизводство не соответствовало требованиям, государство не могло на приемлемом уровне и квалифицированно организовать юридическую поддержку законодательных директив.

Для исправления этой ситуации Советом народных комиссаров (СНК) РСФСР 4 марта 1921 г. издано постановление «О порядке организации факультетов общественных наук Российских университетов». В соответствии с этим постановлением политико-юридические отделения факультетов общественных наук университетов были преобразованы в правовые отделения с судебным и административным циклами. Директивой СНК РСФСР от 8 августа 1924 г. «Об изменении сети высших учебных заведений» в ряде университетов были ликвидированы или преобразованы факультеты общественных наук. В частности, в Иркутском университете факультет общественных наук был реорганизован в факультет права и хозяйства.

Становилось все более понятным, что в органах юстиции должны работать профессионалы, получившие специальное образование. Поэтому, кроме факультетов и отделений в университетах, в середине 1920-х гг. было начато создание сети правовых курсов для подготовки судебных и прокурорских работников среднего и низшего звена.

Правовые курсы давали как высшее, так и среднее юридическое образование. Последние создавались на местах и получили название областных. Открывались курсы в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 22 декабря 1922 г. Курс подготовки был рассчитан на 1 год. Планировалось открыть 10 одногодичных юридических курсов. Они были открыты в 1923 г., но только в шести городах, в том числе в Иркутске. При наборе на обучение решающее значение имели классовое происхождение, членство в РКП(б) или РКСМ, активная позиция в борьбе с «уклонистами», «вредителями» и прочими вредными элементами. Своеобразные чистки проходили и на курсах уже в процессе обучения.

О деятельности областных курсов в Иркутске свидетельств почти нет, но в Госархиве новейшей истории Иркутской области хранятся протоколы собраний ячейки РКП(б) и заседаний исполнительного бюро партийной ячейки областных (позже краевых) юридических курсов. В любом учебном заведении и организации советской России при наличии учащихся или работников — членов коммунистической партии создавались первичные партийные ячейки РКП(б). Такая ячейка была создана и при Иркутских областных юридических курсах. По протоколам заседаний ячейки, общих и открытых партийных собраний мы можем судить о жизни курсов и общественной деятельности курсантов. С учетом того, что коммунистическая партия была ведущей политической силой, решения собраний были обязательны для исполнения, и на собраниях присутствовали представители администрации курсов. На примере работы первых наборов иркутских юридических курсов учебного 1924/25 и 1929/30 гг. можно проследить особенности их развития и деятельности.

Судя по сохранившимся протоколам, курсы начали работу в феврале 1924 г. на базе совпартшколы (СПШ) № 50, и первоначально члены курсов РКП(б) входили в парторганизацию школы. Однако уже в следующем месяце основной темой первого общего партсобрания курсов, состоявшегося 23 марта 1924 г., был вопрос «О выделении партийцев из ячейки РКП СПШ № 50 в самостоятельную ячейку при Юрид-курсах». Из этого же протокола мы узнаем, что на курсы было набрано 36 курсантов, из них 10 членов и 9 кандидатов в члены РКП(б), 5 членов РКСМ и 12 беспартийных. Возраст курсантов составлял от 20 до 37 лет [3, л. 32].

Иркутские областные курсы были центром обучения судебных и прокурорских работников всего обширного Восточно-Сибирского региона. В списке личного состава партиячейки набора 1925 г. указываются губернские комитеты, командировавшие курсантов на обучение в Иркутск. Это Иркутский, Алтайский, Минусинский, Енисейский, Томский, а также Якутский и Бурят-Монгольский губкомы [7, л. 2].

Сохранившиеся данные об образовательном уровне обучающихся позволяют говорить о том, что на областных курсах в Иркутске была та же ситуация, что и по стране в целом. Так, из 14 учащихся — членов РКП(б) первого набора среднее и неоконченное среднее образование имели по одному человеку, низшее образование — 11 курсантов, один учащийся был самоучкой. То есть фактически 85,7 % направленных на курсы учащихся-коммунистов имели низшее образование. В наборе 1925 г. из 39 чел. один имел высшее образование, двое — среднее, пятеро — неоконченное среднее, 30 курсантов — низшее образование, один учащийся занимался образованием самостоятельно. Итого — 75,1 % работников судов и прокуратуры, направленных на областные курсы в 1925 г., были с низшим образованием [3, л. 4-13]. Между тем, ставилась задача в течение одного года из малообразованных курсантов подготовить специалистов-профессионалов для судебной системы Сибири, что являлось задачей важной, но трудновыполнимой.

Низкий образовательный уровень работников юстиции в 1920-е гг. обуславливался тем, что, как мы уже говорили, при подборе кадров на первое место ставилось социальное происхождение, а не грамотность или профессиональная подготовка, в то время как для получения знаний и профессионального опыта требовалась время. Для работы в судах, прокуратуре и правоохранительных органах в целом в тот период решающее значение имело не столько образование, сколько социальное происхождение. От выявленных классово чуждых элементов безжалостно избавлялись. Так, на заседание исполнительной ячейки курсов 3 июня 1924 г. был вынесен вопрос «О чистке состава курсантов юридических курсов». Обсуждали пятерых курсантов: троих — за хулиганское поведение, а Анну Сапфирову и Натана Соколовского — за сокрытие социального происхождения и мелкобуржуазную идеологию. Постановили «просить курсовой совет исключить из числа курсантов гг. Сапфирову Анну и Соколовского Натана, остальных же товарищей... принимая во внимание их пролетарское происхождение и подающих надежду на ис-

правление, оставить на курсах» [10, л. 7-7 об.]. Общее собрание членов и кандидатов в члены РКП(б) 6 апреля 1924 г. постановило исключить Сапфирову и Соколовского. При обсуждении вопроса было отмечено, что «[их] исключение необходимо. *Правда, ученики они лучшие* (курсив мой. — А.К.), но социальное происхождение, идеология требуют исключения» [10, л. 40].

Кроме учебы, на курсах под руководством ячейки РКП(б) была организована активная общественная работа, которая рассматривалась как одно из основных направлений обучения и воспитания курсантов. Ставилась задача «вовлечь всех курсантов в политпросветительную работу». Это было вызвано не только необходимостью повышать политическую грамотность курсантов как будущих юристов, но и в связи с «появившейся расхлябанностью в среде курсантов как среди партийцев, так и беспартийных, которую можно прекратить только авторитетом ячейки, и чтобы в дальнейшем расхлябанность не проявилась, всех партийцев вовлечь в [общественную] работу» [4, л. 1].

С этой целью, судя по протоколам общих и партийных собраний, а также заседаний партиячейки, на курсах были организованы курсантский комитет (курском), профком, местком, ячейки Общества друзей воздушного флота, Международной организация помощи борцам революции, а также обществ «Друзья детей», «Доброхим», «Долой неграмотность!», «Союз воинствующих безбожников», стоял вопрос о создании ячейки общества «Руки прочь от Китая!». Были намечены дни собраний членов этих обществ, ставилась задача вовлечь всех без исключения учащихся. Кроме того, курсанты должны были посещать клубную секцию при СПШ, а все коммунисты и кандидаты в партию — кружок Лениниума.

Для выпуска стенной газеты была избрана редколлегия из пяти человек. При этом на курсах два раза в месяц проводились партсобрания, в том числе открытые, и еженедельно созывались заседания исполнительного бюро ячейки РКП(б). Учитывая, что на курсах обучалось менее 40 чел., такая общественная нагрузка была для них чрезмерной. Неудивительно, что многие из намеченных мероприятий не выполнялись, и это порождало критическое обсуждение руководителей ячеек на партсобраниях и заседаниях исполнительного бюро ячейки. Регулярно ставились вопросы о расхлябанности и нарушении дисциплины курсантами, проявлявшихся в опозданиях и непосещении общественных мероприятий, в отказе от выполнения поручений, пьянстве. Такая ситуация приводила к взаимным обвинениям и склокам на курсах.

Для повышения политической грамотности обучающихся выписывались газеты «Кузница грядущего» (10 экз.), «Правда» (2 экз.), «Известия» и «Власть

труда» [5, л. 5], проводились собрания читателей. Однако, несмотря на всю проделанную работу, партиячейку беспокоила низкая политграмотность курсантов, и этот вопрос регулярно обсуждался как на общих партийных собраниях ячейки, так и на заседаниях исполнительного бюро.

Для повышения политической грамотности будущих юристов в программу занятий, кроме специальных дисциплин, были включены учебные предметы «история Российской коммунистической партии», «история классово-борьбы», «история революционного движения», политэкономика и исторический материализм [6, л. 5].

Такое внимание к повышению политической грамотности объясняется тем, что в 1920-е гг. главной целью юридической подготовки было, в первую очередь, не обучение правильному применению юридических норм, а подготовка работников, готовых безукоризненно проводить линию партии и бороться с классовыми врагами. Этим же объясняется то, что большинство курсантов юридических курсов были членами или кандидатами в члены коммунистической партии.

За пять лет, с 1925 по 1930 гг., на курсах произошёл ряд изменений. В 1929 г. юридические курсы были переданы из Народного комиссариата просвещения, под началом которого они создавались, в Народный комиссариат юстиции. Наркомюст преобразовал годичные юридические курсы в 5-месячные, в том числе и в Иркутске. Курсы были переименованы из областных в краевые и значительно, в два раза, увеличен набор за счет рабочих-выдвиженцев, из которых была создана отдельная группа курсантов.

В 1930 г. количество набранных курсантов достигло 81 чел. (53 мужчины и 28 женщин), из них 56 членов партии и кандидатов [8, л. 8]. К сожалению, нам не удалось обнаружить данные об их образовательном уровне, однако можно предположить, что он по-прежнему, как и в целом по стране, был невысоким. Так, на 1 декабря 1935 г. процент судебных работников с низшим образованием в РСФСР составлял: среди членов областных (краевых) судов — 65,5, среди народных судей — 48,5 %; по данным на декабрь 1932 г. и декабрь 1933 г., следователей с высшим юридическим образованием в РСФСР было соответственно 8 и 7,4 %, со средним юридическим образованием — 24 и 18,7 %. В 1934 г. в РСФСР не имели никакой юридической подготовки 59 % прокуроров, высшее образование было у 13,6 % [2, с. 8].

Подтверждает эту ситуацию выступление заведующего курсами Смирнова на общем собрании учащихся сибирских краевых юридических курсов 30 марта 1930 г., где он говорил о трудности усвоения учебного материала для части курсантов лекционным методом вследствие их слабой общей подготовки, а также о том, что «при проверке вступающих курсантов... оказались приняты несколько лиц условно, и двое как *безграмотные* (курсив мой. — А.К.) отосланы обратно на места» [9, л. 26 об.].

По-прежнему курсанты были задействованы в массе ячеек различных обществ, и стояла задача привлечь к общественной работе каждого курсанта. Наряду с деятельностью ячеек была начата работа по организации социалистического соревнования. Общественная нагрузка мешала учебе, о чем прямо говорил заведующий курсами Смирнов: «отсутствие регулярного посещения учащихся и пропуски со стороны преподавателей по причине перегрузки общественной и политработой» [9, л. 25].

Оставалась проблемой низкая дисциплина курсантов. Кроме опозданий и неявки на занятия, склок и конфликтов бытового характера наиболее частыми были нарушения, связанные с пьянством, в том числе групповым. Так, 30 ноября 1929 г. был рассмотрен вопрос «О пьянке группы курсантов, в том числе старосты 2-й группы Ракитина», которые пили пиво и «ерша» в пивной. 20 апреля 1930 г. на заседании партиячейки было заслушано сообщение партследователя (общественная должность) Бибикова «о пьянке во время отъезда 2-й группы курсантов по домам. Почти все выпили вина, зачинщиков выявить не удалось. Пьянка была на станции Иркутск» [9, л. 68].

Все эти годы наблюдались существенные трудности и в организации самого процесса обучения, которые заключались в следующем:

1) На курсах отсутствовали штатные педагоги, занятия проводили преподаватели, приглашенные из других учебных заведений. Следствием этого были частые срывы занятий и низкий уровень обучения. Так, отмечались «слабый подбор преподавателей по русскому языку», пропуски занятий педагогами, несвоевременное информирование о распределении занятий, трудности лекционного метода для выдвиженцев [9, л. 25].

2) Первоначально планировавшийся лабораторный метод преподавания, основанный на практическом закреплении теоретических знаний и наиболее подходящий для курсантов с низшим образованием, был заменен лекционными занятиями из-за сокращения количества учебных часов.

3) Недостаточное количество выделяемых для курсов финансовых средств. Эта проблема прослеживается в течение всех лет с момента организации курсов.

4) Низкая грамотность и полное отсутствие профессионального опыта направляемых на курсы кандидатов. «Округа не выполнили директиву края о подборе слушателей. Ряд округов прислал товарищей, которые совсем еще не работали, вследствие чего пришлось часть из них как неподготовленных отправить обратно» [9, л. 39].

5) Серьезной проблемой была нехватка литературы, о чем регулярно ставились вопросы на собраниях и заседаниях партийного бюро. В марте 1930 г. предлагалось «в будущем через киоск окружного суда и библиотеку госуниверситета добиться доставки необходимой литературы для юридических курсов» [9, л. 25].

Таким образом, на протяжении второй половины 1920-х гг., с момента организации курсов и до их передачи из Наркомпроса Наркмясту сохранялись одни и те же тенденции и проблемы, причем некоторые из них со временем усугублялись. Так, наблюдался явный перекося в сторону общественной работы и политпросвещения в ущерб учебе и получению профессиональных навыков. «Чистки» курсов приводили к исключению лучших учащихся, в курсантской среде не были изжиты склоничество, бытовые конфликты и пьянство. За пять лет работы юридических курсов не были решены организационно-методические проблемы организации обучения, постоянно наблюдался недостаток учебной и научной литературы, все преподаватели были внештатными, что приводило к срывам занятий и низкому качеству их проведения. Не была решена проблема финансового обеспечения работы курсов. И главное: при классовом подходе к подбору кандидатов на обучение качественно не повысились ни уровень их образования, ни степень профессиональной подготовленности.

Вместе с тем, курсы сыграли определенную роль в подготовке специалистов среднего звена для судов и прокуратуры. «Материалы переписи

1939 г. свидетельствуют, что среди всех работников юстиции высшее юридическое образование имели 2,4 тыс. человек (11,6 %), а среднее – 3,6 тыс. (48 %) (курсив мой. – А.К.). Среди юридического персонала высшее образование имели 13 тыс. человек (31 %), среднее – 17 тыс. (40 %) (курсив мой. – А.К.)» [2, с. 9, 10.]. Кроме того, значение юридических курсов состоит и в том, что это были первые, и небезуспешные, попытки создать профессиональные средние учебные заведения для подготовки работников юстиции советской России.

Литература

1. Карнович С.А., Кузнецов А.А., Синиченко В.В. Становление милицейского образования в Восточной Сибири в 20-х годах XX века // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. 2015. Вып. № 1 (72). С. 65-76.
2. Олейник И.И., Олейник О.Ю. Становление системы подготовки юридических кадров в советской России // Вестн. ИГЭУ. 2005. Вып. № 2. С. 1-12.
3. Список личного состава ячейки членов и кандидатов ячейки №39// ГАНИИО (Гос. арх. новейш. истории Иркутской обл.) Ф. 135. Оп. 1. Д. № 7.
4. Протокол № 1 общего партийного собрания ячейки РКП(б) Сибирских областных юридических курсов от 23/III 1924 г. // ГАНИИО Ф. 135. Оп. 1. Д. № 2.
5. Статистический отчет ячейки № 39 // ГАНИИО Ф. 135. Оп. 1. Д. № 9.
6. План работы ячейки РКП № 39 при Сибирских юридических курсах за время с 10 сентября 1924 г. по 15 ноября 1924 г. // ГАНИИО Ф. 135. Оп. 1. Д. № 3.
7. Список личного состава ячейки членов и кандидатов. Ячейка № 39. // ГАНИИО Ф. 135. Оп. 1. Д. № 7.
8. Заявления и переписка юридических курсов с Маратовским РК ВКП(б) // ГАНИИО Ф. 135. Оп. 1. Д. № 14.
9. Протокол № 15 общего собрания собрания учащихся Сибирских краевых юридических курсов от 3 марта 1930 г. // ГАНИИО Ф. 135. Оп. 1. Д. № 12.
10. Протокол № 1 заседания исполбюро ячейки юридических курсов от 2 апреля 1924 г. // ГАНИИО Ф. 135. Оп. 1. Д. № 2.